

Научная статья

УДК 316.35 (571.1)

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.9

EDN XFBGCU

Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества¹**Василий В. Бубликов¹**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
e-mail: v.bublikov@mail.ru

Галина Г. Ермак²

²Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
г. Владивосток, Россия
e-mail: gaermak@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются этнические характеристики отдельных элементов идентичности населения России с двойной русско-украинской этничностью.

Методы. Исследование проводилось качественным (глубинное интервьюирование, n=100) и количественным (анкетирование, n=800) методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в местах компактного и дисперсного проживания биэтноров².

Результаты. Внутренние элементы идентичности респонденты маркируют по-разному: чаще русскими они ощущают себя по языку (58%), а вот в оценке предпочтений в еде, семейных традиций и своего характера/менталитета наибольшее число опрошенных не смогли указать преобладающую этничность. Наиболее «сильным» украинским элементом идентичности биэтноров являются их гастрономические предпочтения. Оценивая этническую специфику своего характера, большая часть опрошенных (55%) не смогла назвать в себе те или иные «украинские» и «русские» черты, т.е. для большинства их характер является следствием смешения двух этнокультур. Однако значимое меньшинство (15% по данным анкетирования и 45% по данным интервью) – выделяет в себе те или иные «русские» и «украинские» черты. Характеризуя себя как русских респонденты чаще всего называют положительные, но более «строгие», аффективно нейтральные качества (трудолюбие, ответственность, смелость и т.д.). Украинские же черты, напротив, более эмоциональные, «яркие» (гостеприимство, открытость, шутливость и т.д.).

Ключевые слова: полиэтничность; биэтническая идентичность; биэтноры²; двойная идентичность; русско-украинцы; украинцы России.

Для цитирования: Бубликов В.В., Ермак Г.Г. (2022). Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3). С. 98–114. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.9>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

² В статье мы используем термин *биэтноры*, предложенный украинским социологом В.Е. Хмелько для обозначения лиц, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами (Хмелько, 2004). Вслед за его автором, мы не вкладываем в этот термин каких-либо политических коннотаций и используем в значении: биэтнор – человек с двойной этнической идентичностью.

Self-assessment of ethnicity by the population of Russia with dual Russian-Ukrainian identity: “Russian” and “Ukrainian” qualities¹

Vasily V. Bublikov¹

¹Belgorod State University, Belgorod, Russia
e-mail: v.bublikov@mail.ru

Galina G. Ermak²

²Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
e-mail: gaermak@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article examines the ethnic coloration of individual elements of the identity of the population of Russia with a dual Russian-Ukrainian ethnicity.

Methods. The study was conducted by qualitative (in-depth interviewing, n=100) and quantitative (questionnaires, n=800) methods in five subjects of the Russian Federation with a traditionally high proportion of the population of Ukrainian origin, in places of compact and dispersed residence of biethnors.

Results. Respondents label elements of their identity in different ways: more often they perceive themselves as Russians by their language (58%), but in assessing the ethnicity of food preferences, family traditions, and their character/mentality, the majority of respondents could not indicate the predominant ethnicity. The most “strong” Ukrainian element of identity is gastronomic preferences. Assessing the ethnicity of their character, most of the respondents (55%) could not name certain “Ukrainian” and “Russian” traits in themselves, i.e. for the majority, their character is the result of a mixture of two ethnic cultures. However, a significant minority (15% according to the survey data and 45% according to the interview data) distinguishes certain “Russian” and “Ukrainian” features in themselves. Describing themselves as Russians, respondents most often name positive, but more “strict”, affectively neutral qualities (hard work, responsibility, courage, etc.). Ukrainian features, on the contrary, are more highly emotional, “bright” (hospitality, openness, playfulness, etc.).

Key words: multiethnicity; biethnical identity; biethnors²; double identity; Russian-Ukrainians; Ukrainians of Russia.

For citation: Bublikov V.V., Ermak G.G. (2022). Self-assessment of ethnicity by the population of Russia with dual Russian-Ukrainian identity: “Russian” and “Ukrainian” qualities. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3). P. 98-114. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.9>

Постановка проблемы исследования

В последние десятилетия развитие объективных процессов глобализации привело к феномену гибридизации идентичности и формированию численно значимых полиэтнических (чаще всего биэтнических) групп. Вместе с этим, сам по себе феномен полиэтничности не нов, он не является исключительно следствием глобализационных процессов последних десятилетий, поскольку в той или иной форме примеры биэтничности известны с древности.

Как отмечает А.Р. Мухаметзянова, «изначальное введение термина “гибридности” в социогуманитарную литературу связано с изучением идентификации потомков межрасовых браков. Однако в современное время данный термин используется и для обозначения процессов культурных, языковых» (Мухаметзянова, 2016, 160). Подчеркнем, что число лиц с полиэтничной идентичностью отнюдь не тождественно всему множеству потомков смешанных браков. Например, социологические исследования, выполненные в З.В. Сикевич и Ю.А. Поссель в Санкт-Петербурге в 2017 г., пока-

¹ The study carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-011-00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”.

² In the article we use the term *biethnors*. This term is proposed by the Ukrainian sociologist V.E. Khmelko to designate persons who identify themselves to some extent with two ethnic groups (Khmelko, 2004). Following its author, we do not attach any political connotations to this term and use it in the following meaning: biethnor – a person with a dual ethnic identity.

зывают, что только для 52,8% «выходцев из межэтнических семей присуща биэтническая идентичность» (2019, 125).

В научной литературе существует несколько типологизаций множественной этничности. Например, С. Мореман выделяет пять «стратегий гибридного поведения» членов биэтнических сообществ, которые варьируются от стигматизации и этносоциальной депривации (социально-психологические модели поведения «Полукровка» и «Бездомный») до ощущения более высокого социокультурного статуса и значимой общественной роли («Близнец», «Мост») (Moreman, 2009, 361-367). Об этом же пишут З.В. Сикевич и Ю.А. Поссель: «Биэтническая идентичность предполагает одновременное приписывание себе членства в двух этнических группах, причем такого рода идентичность может приводить как к негативным последствиям (“разрыв” между культурами), так и к позитивным (наличие “шва” между культурами), когда человек становится посредником взаимодействия различных культур» (2019, 125).

Таким образом, сам по себе феномен полиэтничности требует не просто социологической констатации факта его существования, подтверждаемого практикой социопросов или переписей населения. Для понимания генезиса биэтничности, моделей поведения биэтноров, возможностей и перспектив воспроизводства полиэтничности, необходимо выявление глубинных социально-психологических процессов в самосознании лиц с двойной этничностью.

Жители с двойной русско-украинской этничностью вероятно являются крупнейшей в России биэтнической группой. Об этом свидетельствуют косвенные данные статистики национального состава¹, а также результаты исследований этнологов и этносоциологов (например: Листова, 2014; Люля, 2021; Октябрьская и др., 2015). Вместе с этим, этнопсихологические характеристики самовосприятия биэтноров остаются малоизученными.

Целью статьи является выявление структуры самосознания русско-украинского населения России.

Ключевыми являются вопросы:

1. Маркируют ли биэтноры элементы своей идентичности как «русские», «украинские», находящиеся в равном соотношении или вовсе не окрашивают их этнически?

2. Как они оценивают влияние русского и украинского компонента этничности на свою личность, характер?

Методология, география, особенности проведения исследования

Ответы на сформулированные вопросы даются при помощи анализа результатов этносоциологических исследований, проведенных в два этапа (в 2020 и 2021 гг.), качественным и количественным методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в т.ч. в районах, где ранее украинцы составляли этническое большинство (Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края).

Респондентами являлись совершеннолетние, постоянные жители регионов проведения исследований, которые в ходе предварительной беседы подтвердили на-

¹ Численность украинцев в России в течение последних ста лет практически неуклонно снижалась (кроме периода 1970-80-х гг.), что являлось следствием как политически мотивированного «переписывания» в русские, так и ассимиляционных процессов: в 1926 г. на территории России (в границах 1991 г.) проживало 6 871 тыс. украинцев (7,4% всего населения), в 1939 г. – 3 205 тыс. (3,0%), в 1959 г. – 3 359 (2,9%), в 1970 г. – 3 346 (2,6%), в 1979 г. – 3 658 (2,7%), в 1989 г. – 4 363 (3,0%), в 2002 г. – 2 943 (2,1%), в 2010 г. – 1 928 тыс. (1,4%).

личие у себя и русский, и украинский компонент этничности. В 2020 г. было проведено 100 глубинных структурированных интервью (по 20 в каждом регионе), в 2021 г. – анкетирование 800 респондентов (по 160 в каждом регионе). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах, сельская местность и малые города), вторая половина – в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов наших исследований, необходимо отметить, что они проводились в условиях нарастания конфликтности в межгосударственных российско-украинских отношениях, что выражалось и во внутрироссийской информационной повестке, сформировавшей в массовом сознании негативный образ украинцев и Украины, что, в свою очередь, стигматизировало украинскую этничность, и, как отмечали социологи еще в 2015 г., сформировало «осциллирующую» идентичность украинцев России (Социальные факторы..., 2017, 65). То есть, проще говоря, исследования проводились в ситуации, когда многие украинцы скрывали свою национальную принадлежность. Например, данные опросов Левада-Центра² 2018-2021 гг. показывают, что в среднем за эти четыре года лишь 10% жителей России были готовы принять украинцев в качестве членов семьи³, а 38% имели откровенно ксенофобские взгляды на украинцев (Общественное мнение..., 2022, 120).

В такой ситуации, при проведении исследований мы столкнулись с частыми отказами потенциальных респондентов в участии, настороженностью и недоверием, стремлением дать социально ожидаемые ответы, тех кто все-таки согласился участвовать в опросах. Безусловно, мы пытались снизить влияние политического фактора при общении с респондентами, подчеркивая научный характер исследования, его ориентацию на вопросы культуры, однако, тем не менее, по нашим наблюдениям значительная часть опрошенных все же давала государственно одобряемые ответы, либо оговаривая те или иные свои формулировки выражением политической лояльности РФ.

При этом, подчеркнем, что наличие этой настороженности не значит, что такие респонденты имели какие-либо оппозиционные по отношению к российской власти взгляды, напротив, большинство из них следовало в официальном дискурсе. Поэтому их настороженность имела несколько иррациональный характер, боязнь неких «последствий» уже исходя из самого факта декларирования своей пусть и частичной украинской идентичности.

Результаты исследования

Группа биэтнического русско-украинского населения России является неоднородной по своему происхождению, причинам появления двойной этничности и самосознанию. Так, по этническому происхождению биэтнические респонденты делятся на две основные группы: 62% имеют в своей родословной предков обеих национальностей, а 33% – не имеют среди предков русских. То есть, для почти 2/3 опрошенных биэтничность является логичным следствием их происхождения, а для 1/3 – исключительно следствием социально-политической ассимиляции украинцев.

¹ Соответственно это: в Белгородской обл. – Краснояружский р-н и г. Белгород, в Воронежской обл. – Россошанский р-н и г. Воронеж, в Омской обл. – Павлоградский р-н и г. Омск, в Алтайском крае – Романовский р-н и г. Барнаул, в Приморском крае – Хорольский р-н и г. Владивосток.

² АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Для сравнения: евреев в качестве членов семьи готовы были принять в среднем 11% россиян (Общественное мнение..., 2022, с. 118).

Проявляется неоднородность и в формулировках, которыми биэтноры предпочитают описывать свою национальность (рисунок 1).

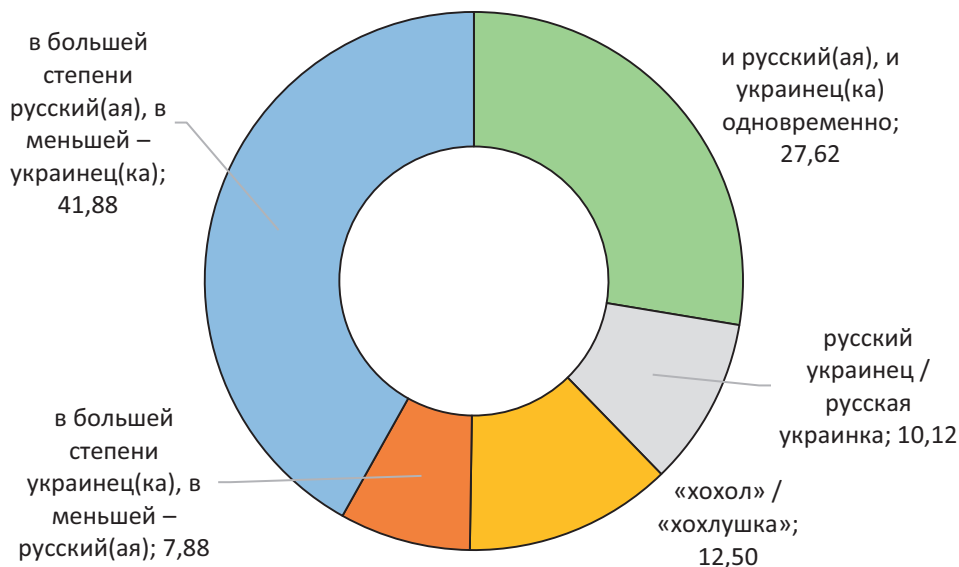

Рисунок 1. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью на вопрос: «Выберете из нижеперечисленных вариантов ответа ту формулировку, которая лучше всего описывает Вашу национальную (этническую) принадлежность», %

Наибольшее число биэтноров (41,9%) выбрало формулировку, показывающую доминирование в их идентичности русской компоненты («в большей степени русский(ая), в меньшей – украинец(ка)»). О преобладании украинской компоненты заявили всего 7,9% опрошенных. Впрочем, такое распределение в значительной степени может быть обусловлено отмеченным выше желанием «обезопасить» свой ответ в условиях социальной не комфортности выражения украинской идентичности.

Второй, третьей и четвертой по распространенности формулами описания идентичности соответственно стали: «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» – 27,6%, «хохол / хохлушка» – 12,5%¹, «русский украинец / русская украинка» – 10,1%, т.е. те формулировки, которые в той или иной степени уравнивают обе компоненты этничности (рисунок 1).

Перейдем теперь к рассмотрению восприятия биэтнорами отдельных сегментов своей идентичности, в качестве которых в ходе анкетирования респондентам были предложены четыре элемента: семейные традиции, предпочтения в еде, характер и менталитет, язык (рисунок 2).

Результаты показывают, что большинство респондентов отметило тот или иной этнический окрас элементов своей идентичности: доля опрошенных, указавших на отсутствие ощущения национальности или затруднившихся ответить составила: язык – 10,7%, семейные традиции – 19,4%, предпочтения в еде – 20,3%, характер, менталитет – 28,3% (рисунок 2).

Такое распределение логично, т.к. оценка «этничности языка» лежит для респондентов на поверхности, она не требует особой рефлексии (отсюда низкое число затруднившихся ответить). Большинство (57,6%) указало, что по языку они чувству-

¹ Этноним «хохлы» исторически традиционно широко использовался в регионах совместного русско-украинского проживания (наряду с этнонимами «москальи» и «кацапы», применявшимися к этнически русским жителям) и изначально описывал собственно украинское население (Чижикова, 1988, с. 49). Однако в XX в., особенно после распада СССР, самими потомками украинцев, компактно проживающими в России, он стал чаще использоваться в значении – между русскими и украинцами.

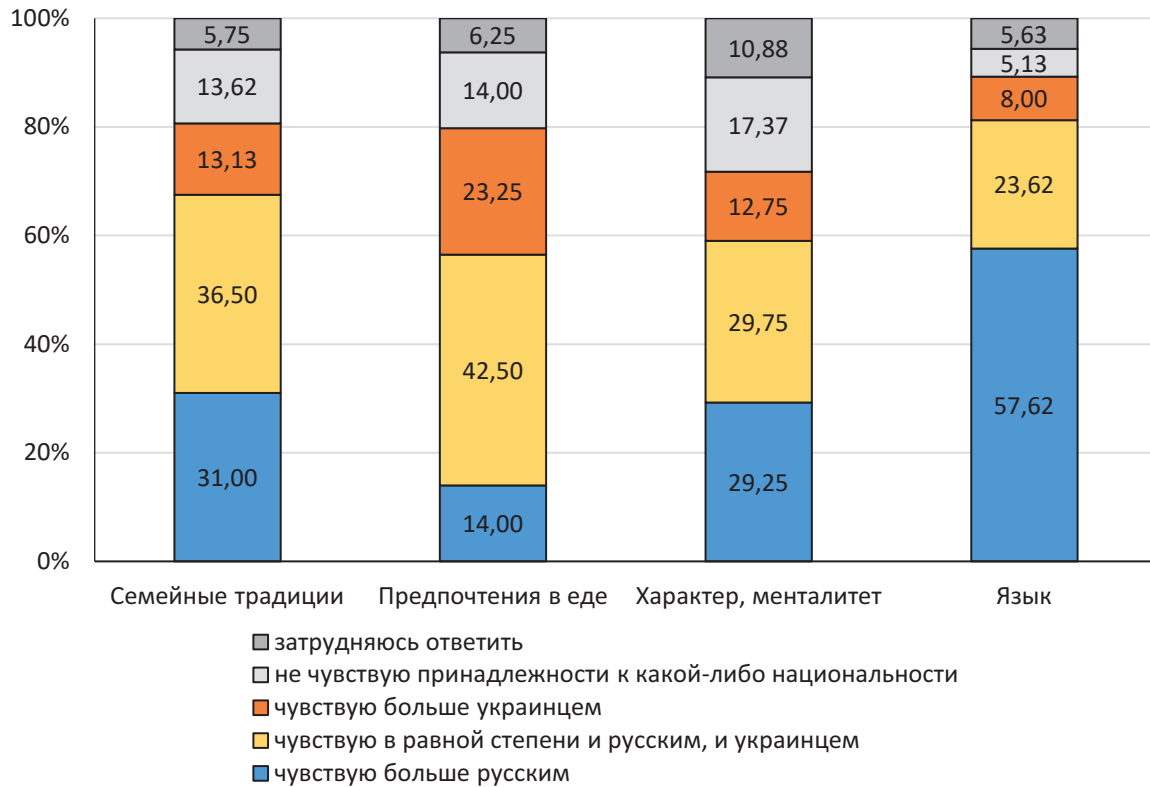

Рисунок 2. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью на вопрос: «Укажите, что из нижеперечисленного характеризует Вас больше, как русского(ую), а что больше, как украинца(ку)?», %

ют себя больше русскими, чаще всего основывая свой ответ даже не на том, какой язык у них был первым (язык детства), а тот язык, который они ныне чаще используют, т.е. русский (см.: Бубликов, Свидовская, 2022). Приведем несколько типовых ответов наших информантов из интервью:

«[Кем себя считаете по языку?] Ну конечно уже русским. [Какой язык Вы считаете своим родным языком?] Ну там, где родился, с этой точки зрения, то конечно украинский. А если считать, где родина, где твои дети, где твой дом, то, конечно, русский, потому что я больше общаюсь на русском языке, украинский – это крайний случай, когда с родственниками общаюсь» [муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины].

«Украинский язык не знаю, письменности украинской тоже я не знаю. Хохляцкий язык – такого ж [официально] нету, хохол – нет такой нации. Мой родной язык русский же, наверно. Если бы хохляцкий был официальный, то я бы сказала [он родной]. Раньше помню в детстве моем бабушка получала журнал на украинском языке – “Перець” назывался, я его читала. А теперь его сто лет нету, у кого я где почитаю [на украинском]» [жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

В противоположность языку – оценка этнической специфики собственного характера требует значительно более глубокой рефлексии (отсюда высокая доля ответов «не чувствую принадлежности к какой-либо национальности» – 17,4% и «затрудняюсь ответить» – 10,9%). Данные массового опроса показывают, что 29,8% биэтнопов по характеру, менталитету чувствуют себя в равной степени и русскими, и украинцами, почти столько же – 29,3% – больше русскими и 12,8% – больше украинцами.

Близкое распределение зафиксировано и в этническом маркировании семейных традиций: 36,5% – заявили о равном ощущении влияния русской и украинской

культур на семейные традиции, 31,0% – указали на приоритет русской культуры и только 13,1% – украинской (рисунок 2). Такое распределение объясняется, прежде всего, тем, что многие респонденты воспринимают официальные праздники именно как «русские», но используя этническую терминологию, они вкладывают в нее скорее гражданский смысл. Более того, городская культура жителями «бывших» украинских районов или выходцами из них в городах воспринимается как «русская», хотя в реальности речь идет скорее о некоем инварианте современной глобальной культуры:

«В детстве, конечно, когда еще родители [были живы], они вообще по-русски не разговаривали – балакалы... конечно, мы тогда считали себя украинцами, а потом уже, как в школу пошла, уже как стала повзрослее, тут уже вот и говорим по-русски и живем так вот по-русски, не по-украински» [жен., 1948 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

«[На вопрос: чем отличаются русские от украинцев в Вашем городе?] ...Они отличаются языком, и мировосприятием в основном. [А мировосприятие, что вы имеете в виду?] Москальство, вот эта вот вычурность, стремление к иноязычным словам, мода, хайпы вот эти вот. Ну как сказать... Они [русские] не бильше назад в историю, традиции, а впэрэд, шо нэбудь новое захватывать» [частично на суржике, жен., 1993 г.р., г. Белгород, местная уроженка].

Единственным элементом идентичности, в котором украинская этничность преобладает над русской, является «предпочтения в еде»: 23,3% указали на ощущение себя больше украинцем, 14,0% – русским (рис. 2). Впрочем, относительное большинство – 42,5% – указали на равное ощущение себя и русским, и украинцем. Об этом же свидетельствуют и результаты интервью. Национальная украинская кухня для большинства биэтноров является самым сильным показателем их украинства:

«Вот, в еде, да, я чувствую [больше украинкой]. Вот мне, например, нравится борщ больше, чем щи, считаю, что борщ украинское блюдо, щи – русское. По еде в принципе, вот, традиционные какие-то украинские блюда типа сала, чеснок, я вполне уважаю, ну да, наверное, больше украинское» [жен., 1972 г.р., г. Воронеж, уроженка Житомирской обл. Украины].

«А еда вот больше украинская... Борщ, ну как все. Я же вырос еще ж вот с такого, а щас куда ж денешься!» [муж., 1950 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец].

«Ну сало я люблю, да, здесь больше я хохол» [муж., 1987 г.р., Романовский район Алтайского края, местный уроженец].

Но, многие респонденты говорят и о смешении, универсализации гастрономических практик:

«Чем она [кухня] особо отличается? Ну борщ как бы украинская еда, но русские же ведь тоже все борщ едят. А так..., не знаю, украинские вареники или галушки, иногда мы себе позволяем. А так продукты теперь все одинаковые, все в магазине» (жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

Преобладание украинской этничности в таком сегменте идентичности как «предпочтения в еде», мы связываем с тем, что национальная украинская кухня в России является одним из немногих институционализированных элементов общественной жизни. Украинские рестораны присутствовали (по крайней мере до 2022 г.) практически во всех крупных городах, в то время как украинские этнокультурные организации представлены гораздо скромнее.

Рассмотрим теперь более подробно восприятие этнических особенностей собственного характера русско-украинскими биэтнорами. Помимо уже упоминавшегося прямого вопроса, в котором мы просили респондентов оценить ощущение своей на-

циональности в характере и менталитете (рисунок 2), им также был задан открытый вопрос: «Укажите, какие Ваши внутренние черты, особенности Вашего характера, личности характеризуют Вас больше, как украинца(ку), а какие как русского(ую)?». Если респондент не мог или не хотел указывать конкретные свои черты, связывая их с русской и украинской этничностью, он мог выбрать следующие варианты: «все черты моего характера от украинцев», «все черты моего характера от русских», «не могу выделить какие черты моего характера от русских, а какие – от украинцев» или «затрудняюсь ответить» (рисунок 3).

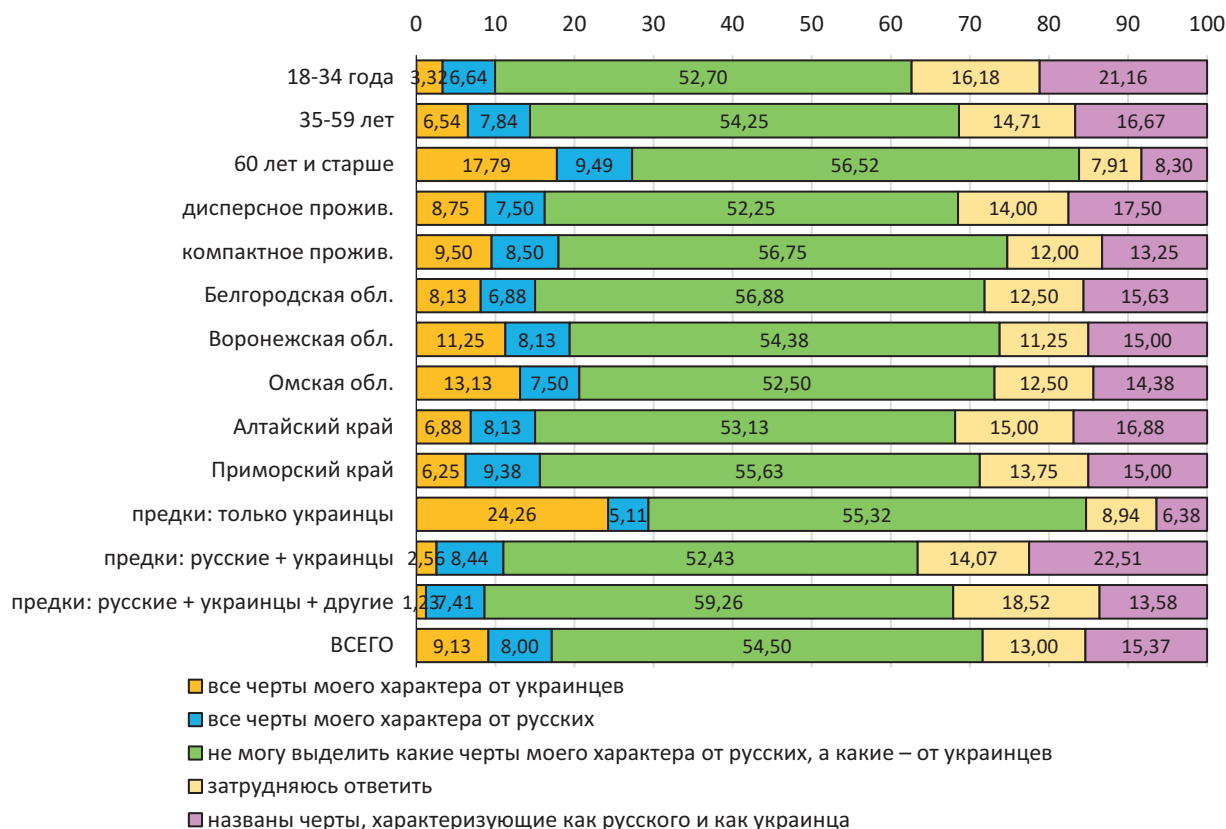

Рисунок 3. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью различных демографических и территориальных подгрупп на вопрос: «Укажите, какие Ваши внутренние черты, особенности Вашего характера, личности характеризуют Вас больше, как украинца(ку), а какие как русского(ую)?», %

Как это часто бывает в открытых или полуоткрытых вопросах большинство наших респондентов предпочло выбрать уже предложенные варианты, а не называть те или иные черты своего характера, которые они считают русскими или украинскими. Самым распространенным вариантом, который выбрали 54,5% респондентов, стал: «не могу выделить какие черты моего характера от русских, а какие – от украинцев». Примерно равное число биэтноров заявило, что все черты их характера от украинцев (9,1%) или русских (8,0%). Дало же содержательный ответ на поставленный вопрос лишь 15,4% опрошенных (еще 13,0% – затруднились ответить).

Проанализировав интервью респондентов, которые были проведены за год до массового анкетирования, мы подсчитали, что из 100 опрошенных 45 назвало в себе те или иные русские и украинские черты. То есть, в реальности доля биэтноров, окрашивающих свой характер теми или иными этническими маркерами, составляет не 15,4%, как то показали данные количественного исследования, а как мы полагаем, порядка 35-45%.

Данные количественного исследования представляют значительный интерес, т.к. они позволяют в цифрах описать собственно те черты, которые респонденты называли русскими и украинскими, а также проанализировать различия в их ответах в разных территориальных, возрастных и иных подгруппах. Так, самое существенное различие между поколениями биэтноров состоит в том, что более склонными к выделению в себе тех или иных этнических черт оказались представители молодежи (21,2%), в сравнении с поколением среднего (16,7%) и старшего возраста (8,3%) – рисунок 3. По всей видимости такое распределение между поколениями опрошенных объясняется тем, что в старшей возрастной группе значительно больше тех, у кого среди предков не было русских¹ (отсюда высокая доля выбравших вариант «*все черты моего характера от украинцев*» – 17,8%, у молодежи таковых только 3,3%). Таким образом, мы считаем, что различия в этом вопросе в гораздо большей мере определяются не возрастом опрашиваемых, а их этническим происхождением.

И действительно в трех подгруппах биэтноров, выделенных в зависимости от национальности их предков, результаты сильно отличаются. Среди тех, у кого предки были только украинцы, лишь 6,4% называли в себе те или иные русские и украинские черты; среди тех, у кого в родословной присутствовали русские, украинцы и представители иных этногрупп – 13,6%, а среди тех, у кого предки были русские и украинцы (без иных этносов) – 22,5% (рисунок 3).

Межрегиональные различия в оценке нашими респондентами этнической специфики своих черт хотя и есть, но в них не прослеживается какая-либо зависимость от степени удаленности от Украины. Например, ответы респондентов в Воронежской области по структуре ближе к ответам опрошенных в Омской области, нежели к ответам в соседней для воронежцев Белгородской и т.д. Также не очень существенны различия в ответах респондентов из сельской местности («бывших» украинских районов) и крупных городов, за исключением того, что горожане чаще этнически маркировали те или иные черты своего характера – 17,5%, в сельской местности – 13,3%. В данном случае мы также предполагаем, что эти различия обусловлены прежде всего большей долей биэтноров из этнически смешанных семей в городах (76%), в сравнении с сельской местностью (57%).

Рассмотрим теперь, какие же собственно черты, оценивая свой характер, биэтноры называли «русскими», а какие «украинскими»? Подчеркнем, что поскольку наши респонденты являлись носителями обеих этнических идентичностей, они довольно свободно указывали на наличие тех или иных своих черт (положительных и отрицательных), окрашивая их этнически. В силу принадлежности к обеим этногруппам опрошенные не боялись оскорбить кого-то, как если бы они характеризовали черты этносов, к которым не имеют отношения. Поскольку распределение ответов или фрагменты некоторых интервью можно расценить как неполиткорректные, поэтому мы оговоримся, что анализ этих ответов мы делаем не с целью выделения неких «типичных черт» двух народов, а для того, чтобы описать восприятие русской и украинской этничности их носителями. Другими словами, для нас важен не столько сам набор тех или иных характеристик, сколько их эмоциональный окрас: с чем биэтноры ассоциируют свою *русскость*, а с чем *украинскость*?

При ответе на вопрос об этническом маркировании черт характера, респонденты дали 53 варианта ответа, характеризуя свою русскость и 46 вариантов – украинскость. Многие из них имели синонимичное или близкое смысловое значение (например, *закрытость*, *замкнутость* или *эмоциональность*, *темпераментность* и т.д.)

¹ 55% – среди поколения 60+, 27% – поколения 35-59 лет, 17% – поколения 18-34 года.

поэтому при анализе такие ответы были нами объединены в один вариант. Также некоторые респонденты в качестве отличительных особенностей характера называли не связанные с ним характеристики (особенности говора, внешность, пение и т.п.) – поэтому при анализе данных мы исключили их из перечня типичных черт. Все черты личности биэтноров, названные двумя и более респондентами представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Ранжированные ряды характеристик собственной личности
русско-украинскими биэтнорами в России, % от общего объема выборки¹**

№	Характеристики личности как «русского»		Характеристики личности как «украинца»	
	Характеристики	Процент	Характеристики	Процент
1	трудолюбие	4,63	гостеприимство / хлебосольность / радушие	4,38
2	гостеприимство / хлебосольность / радушие	2,63	открытость	1,63
3	леность / лень	1,38	чувство юмора / шутливость / задорность / веселость	1,38
4	патриотизм / любовь к родине	1,25	трудолюбие	1,25
5	закрытость / замкнутость	0,88	общительность	1,25
6	ответственность	0,75	хитрость	1,13
7	смелость / храбрость	0,63	эмоциональность / темпераментность	1,00
8	дружелюбность / доброта / добрый нрав / теплота	0,63	дружелюбность / доброта / добрый нрав / теплота	0,88
9	богобоязненность / религиозность	0,38	трудоспособность	0,63
10	выносливость / стойкость	0,38	запасливость / бережливость	0,63
11	правдолюбие	0,38	свободолюбие / независимость	0,50
12	простота	0,38	упрямство / упертость	0,38
13	сострадание	0,38	болтливость / говорливость	0,38
14	упрямство / упертость	0,38	жадность / скупость / прижимистость	0,38
15	щедрость	0,38	предприимчивость	0,38
16	бескорыстность	0,25	хозяйственность / оборотистость	0,38
17	великодушие	0,25	леность / лень	0,25
18	душевность	0,25	щедрость	0,25
19	настойчивость	0,25	изворотливость	0,25
20	прямота	0,25	индивидуализм	0,25
21	размеренность	0,25	легкость	0,25
22	смирение	0,25	остроумие	0,25
23	строгость	0,25	рациональность	0,25
24	твердость	0,25	энергичность	0,25
25	терпение	0,25		
26	трудоспособность	0,25		
27	честность	0,25		

¹ Жирным шрифтом выделены характеристики, преобладающие в восприятии как «русские» или «украинские».

Типичными, наиболее часто называемыми «русскими» чертами характера/менталитета опрошенные считают: трудолюбие (4,6%), гостепреимство (2,6%), ленность (1,4%), любовь к родине¹ (1,3%), закрытость (0,9%). Украинскими: гостепреимство (4,4%), открытость (1,6%), чувство юмора (1,4%), трудолюбие (1,3%), общительность (1,3%), хитрость (1,1%), эмоциональность (1,0%).

Это распределение практически полностью подтверждают выдержки из интервью респондентов, которым задавался аналогичный вопрос. Ниже приводятся наиболее развернутые ответы из интервью (в географическом порядке – вначале информанты из регионов Европейской части, затем Сибири и Дальнего Востока). В некоторых интервью респонденты говорят только о «русских» или «украинских» своих чертах, мы также приводим такие высказывания, т.к. они все-же связывают те или иные характеристики личности с одной из этничностей:

«Есть, я думаю есть несколько черт таких, да ... Ну, наверное, такая хозяйская хватка у меня есть, знаете, которая больше присуща украинцам, я не могу сидеть на месте, постоянно ищу себе работу, постоянно что-то делаю» [муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины].

«Воспитание играет большую роль. От родителей, от той страны, где проживаешь [Украины] вот так оно и осталось, что я к людям очень добродушна, что я могу войти в положение и хорошего человека, и в чем-то оступившегося. У меня какая-то черта, что для меня человек – это какое-то существо очень грамотное такое. Все равно у каждого человека что-то есть такое достойное. Просто получается, что любовь к человеку – это от украинской части, и это у меня осталось, не изменилось, не получилось так, что, например, карьера наложила на эту черту характера свой отпечаток. Все равно вот это преобладало всю жизнь» [жен., 1957 г.р., г. Белгород, уроженка Полтавской обл. Украины].

«Как хохлушку, наверное, хитрость какая-то, а как русскую... наверное, настойчивость» [жен., 1983 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местная уроженка].

«Наверное, всё-таки, доброта, и, скажем так строгость маленькая – это Россия. А, ну веселье у меня и Россия, и Украина, как бы ну хохлушка. А вот именно разговорчивость моя, я считаю, что это всё-таки – хохлушка, потому что я думаю, что, наверное, хохлы всё-таки такие люди, которые постоянно тороторят, тороторят и тороторят» [жен., 1990 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местная уроженка].

«Как украинца больше характеризует бережливость, рачительность, вот. Больше как русского характеризует всеядность, терпимость к любым условиям и терпимость, скажем так..., в общем материальный мир на последнем месте» [муж., 1966 г.р., г. Воронеж, уроженец Сумской обл. Украины].

«Как украинку, наверное, открытость в общении ... В некоторой степени болтливость, да, это вот то, что украинское ... И опять-таки, ход мыслей, да, немного другой [украинский] ... Как русскую – это, наверное так сказать может приспособляемость, то есть более такая гибкость к изменяющимся условиям вокруг, возможность подстраиваться под обстоятельства, находить решения, такая практичность» [жен., 1989 г.р., г. Воронеж, уроженка Донецкой обл. Украины].

«[Как русского] наверное, знаете, такая вот устойчивость к стрессам, да, и всё-таки, как бы сказать, способность к выживанию, жить, вот тут раз организоваться, ага, что-то сделать, это вот больше всё-таки у меня, мне кажется, да, рус-

¹ Разумеется, патриотизм сложно считать чертой характера, но поскольку наши респонденты достаточно часто называли эту характеристику, связывая ее со своей русской идентичностью, она представлена в перечне.

ская такая вот [черта], а уже вот в общении, с женой мы дома там лялякаем, это самое, разговариваем. Всё-таки вот способность к коммуникации – это украинское больше» [муж., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженец Саратовской обл.].

«Оптимизм, позитивизм, динамичность – я считаю это украинское начало. Как русскую – рассудительность, это вот аналитические какие-то способности, то есть прислушиваться к внутренней интуиции или что-то начинаешь несколько раз перерешивать, передумывать» [жен., 1974 г.р., г. Воронеж, уроженка Кантемировского р-на Воронежской обл.].

«Независимость – это украинка, это момент хохлушки, как в анекдоте, когда у меня руки в боки, мне плевать на какой стороне у кого что, то есть, когда задеваются мои интересы, то вот это вот всплывает. У меня нет той покорности, которая есть у татарок, той покорности, которая есть у молокан, то есть по отцовской стороне, там женщина напрямую подчиняется мужчине» [жен., 1973 г.р., г. Воронеж, уроженка Казахстана].

«Упорство, настойчивость, трудолюбие – это как украинца. А русского – принципиальность, твердость, широта характера – именно, то, что больше похоже на русское состояние души» [муж., 1959 г.р., г. Омск, местный уроженец].

«...Даже вот директор наш говорит: “Ну видно сразу, что хохлушка!”. Мне надо про запас [смеется]. Мне надо хоть тонна угля, чтобы она лежала про запас до следующего года. И все так, и дома [так] ... Юмор, я считаю он присущ [украинцам], радушие, то есть хлебосольство, гостей всегда много» [жен., 1963 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местная уроженка].

«Для украинцев... это черта..., вот у меня бабушка была, и вот стремление к порядку, у меня это в памяти зацепилось – это черта украинцев... С каким-то обиходом внутреннего убранства, мне кажется, русские не такие... Да, стремление к порядку, к такому четкому определению всего, где что должно быть. Может быть это и черта, вот как говорят: “Хохол жадный”, но это в моем понимании другое, как раз вот чтобы было все нормально дома, все определено, по полочкам, где-то какой-то запас сохраняется. А от русского..., а вот это, наверное, русское, когда “Да будет завтра и ладно!”, “Авось пронесет!”, “Да ладно!”» [муж., 1979 г.р., г. Барнаул, уроженец Родинского р-на Алтайского края].

«Ну если с украинской точки зрения, то какая-то открытость, общительность, энергичность, как русская – это стойкость выносливость, упрямость» [жен., 1995 г.р., г. Барнаул, уроженка Романовского р-на Алтайского края].

«Как украинку это все-таки какое-то веселье, жизнерадостность, опять же накормить всех, покушать хорошо ... А русская..., русская все остальное, наверное, русское – терпение, доброта» [жен., 1970 г.р., г. Барнаул, уроженка Актюбинской обл. Казахстана].

«У нас есть такое выражение [шутка]: “Постоянно говорят, что хохлы жадни, говорят, что хохлы хитри – так вот це суця правда, и мы вам это докажем!”. Ну есть какая-то особая хитринка, зажимистость..., и у меня такое. А у русских говорят широкая душа, готов раздать все. В какие-то моменты я готов раздать все, что имею, а в какие-то моменты где-то что-то ужать, урвать» [частично на суржике, муж., 1974 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец].

«Ну, допустим, моя доброта – это от русской стороны, а моя как бы творческая черта – она от украинской стороны, от тех корней. Ну что еще ... А, может быть домашний быт – это от украинской стороны, что все себе и все в семью, а вот моя добрая черта – отзывчивость, помощь, это от русской» [жен., 1981 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хабаровского края].

«Может быть какая-то мягкость в характере – от украинцев, неторопливость. Это чисто мое мнение. А от русских – все [остальное] от русских, я же среди русских живу» [жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

«Ну украинцы они як ... Ну покладистые таки, шо они не таки как русские. Русские тебе глаза выбьют, а они [украинцы] такие шо покладистые. Ну и характер такой же, против я не скажу, стараюсь знаешь..., чуть по старше мэнэ ... я буду казать “Вы”, здесь [так] не заведено, а я буду на “Вы” говорить ... Уважительность, стараюсь никого не обидеть... [А от русской?] Я когда переехала [в Россию], то боевей стала, тут таки люды, тут сто процентов, что боевей я стала» [на суржике, жен., 1960 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хмельницкой обл. Украины].

«Вы знаете, я поездил по Украине и стал в себе чувствовать черту характера более высокой культуры, чем была у меня до знакомства с украинским народом. То есть, здесь [в Приморском крае] культура немножко более примитивная, чем на Украине, вот поэтому я стараюсь ... то что я повидал, мы много стран объездили и Европы и Азии, и вот на Украине мне нравится, что они ближе к Европе, культура, а здесь как-то такое вот воспитание с самого начала советского строя, дикое вообще, безнравственное. Хотя я люблю свой город больше, чем кто-либо, а вот стоит говорить об этом, что стыдно бывает за многих наших горожан, [их] поведение. То есть, когда я как-то себя проявляю с культурной стороны, я позиционирую себя с Украиной, когда я где-то грублю, хамлю, то я позиционирую себя с русским» [муж., 1949 г.р., г. Владивосток, местный уроженец].

«Гостеприимство меня характеризует как украинку, равновесие, такое знаете, характера – уравновешенность – тоже черта, которую воспитала во мне мать и отец... Выслушать взрослых, не перебивать и уважать... Как русскую меня характеризует такая черта, что я должна..., мои обязанности и ответственность – это больше я уже в России научилась. Ну вот как-то мне в России научилось больше недоверие. Есть такая черта, понимаете, меня жизнь научила и я перестала доверять людям, а приехала я украинкой, доверчивой вообще и иногда у меня это проявляется, потому что мне недавно женщина сказала, не последняя в нашем районе, говорит: “Я тебя вообще не пойму, ты даже в плохом стараешься увидеть хорошее!” – это вот эта черта осталась [от украинки]» [жен., 1957 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ивано-Франковской обл. Украины].

Как видим из приведенных фрагментов интервью структура и обоснование «русских» и «украинских» черт характера в разных, удаленных друг от друга российских регионах, практически идентичны.

Для оценки эмоционального восприятия обеих компонент этноидентичности наших респондентов названные ими «русские» и «украинские» черты, мы сгруппировали в четыре группы (рисунок 4):

- положительные, высокоэмоциональные (аффективные), например: гостеприимство, дружелюбность, открытость и др.;
- положительные, аффективно нейтральные (трудолюбие, ответственность, смелость и др.);
- нейтральные (богобоязненность, простота, прямота и др.);
- отрицательные (ленность, закрытость, упрямство и др.).

Как видно на рисунке 4 обе этнические идентичности чаще всего характеризуются респондентами положительными качествами. Однако баланс этих качеств между высокоэмоциональными характеристиками и эмоционально нейтральными диаметрально противоположный: если русская часть личности в 49% характеризуется положительными, но аффективно нейтральными чертами (трудолюбие, патри-

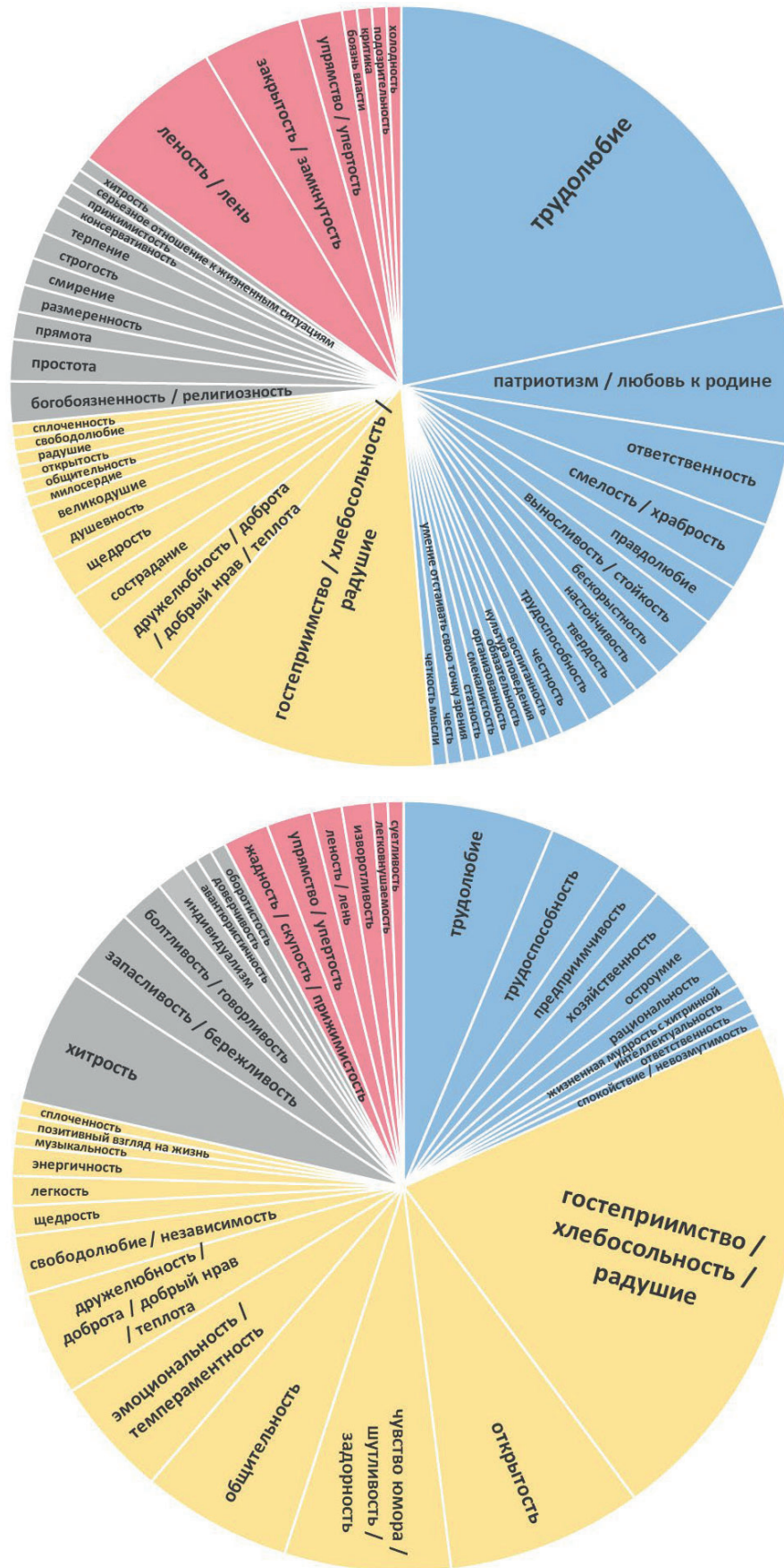

Рисунок 4. Структура названных русско-украинскими биэтнорами «русских» (вверху) и «украинских» (внизу) черт их характера (синий цвет – положительные, аффективно нейтральные; бежевый – положительные, аффективные; серый – нейтральные; красный – отрицательные).

отизм¹, ответственность, смелость и т.д.), то украинская – в 60% положительными аффективными, как правило, сопряженными с коммуникацией (гостеприимство, открытость, чувство юмора, общительность и т.д.).

В остальном структура качеств следующая. «Русские» черты личности: положительные аффективные – 25%, нейтральные – 12%, отрицательные – 15%. «Украинские»: положительные, аффективно нейтральные – 18%, нейтральные – 14%, отрицательные – 8%.

Таким образом, эмоциональное восприятие русской и украинской частей этничности у биэтноров различное: те из них, кто выделяет в себе «русские» и «украинские» качества окрашивают русскую компоненту личности в 2,7 раза чаще (чем украинскую) низкоэмоциональными качествами, а украинскую – напротив в 2,4 раза чаще высокоэмоциональными.

Данные интервью показывают, что формирование такого баланса оценок этнически маркированных качеств, в значительной степени привнесено из вне (например, из литературы), сформировано стереотипным образом «типичного русского» и «типичного украинца». Но, при этом, значительная часть опрошенных анализировала свой характер/менталитет, опираясь на личные наблюдения (особенно это касается приезжих из Украины) или семейные представления.

Выводы

Структура этнической идентичности одной из крупнейших групп населения России с двойной этничностью – русско-украинской (с предположительной численностью от 3 до 10 млн. человек), является неоднородной: 42% – заявляют о преобладании у них русской идентичности, только 8% – украинской, 13% – предпочитают использовать этноним «хохлы», 38% – иные формулировки уравнивающие оба этнических компонента.

Внутренние элементы идентичности биэтноры маркируют по-разному: чаще русскими они ощущают себя по языку (58%), впрочем, этот ответ часто выбирали даже те, кто использует суржик или «хохляцкий» язык, а малый процент выбирающих украинский язык (8%) объясняется широко распространенным мнением о якобы больших различиях между суржигом и украинским языком, что не всегда соответствует реальности. В оценке этнических предпочтений в еде, семейных традиций и своего характера/менталитета наибольшее число опрошенных не смогли указать преобладающую этничность. Наиболее «сильным» украинским элементом идентичности биэтноров являются их гастрономические предпочтения.

Оценивая этническую специфику своего характера большая часть опрошенных (55%) не смогла назвать в себе те или иные «украинские» и «русские» черты, т.е. для большинства респондентов их характер является следствием смешения двух этнокультур. При этом, они не отрицают влияния национальности на характер, ведь только 17% выбрали вариант «не чувствую принадлежности к какой-либо национальности». Меньшинство, хотя и очень значимое (15%² по данным массового опроса и 45 человек из 100 по данным интервью) – выделяет в себе те или иные «русские» и «украинские» черты. Анализ структуры этих черт показывает значительные их

¹ На первый взгляд патриотизм является высокоэмоциональным чувством, однако чаще всего наши респонденты описывали свою любовь к родине, как чувство ответственности, долга, иными «суровыми» существительными и прилагательными, поэтому в данном анализе мы отнесли эту характеристику к аффективно нейтральной.

² В силу особенностей проведения анкетных опросов мы считаем эту цифру заниженной минимум в два раза.

различия. Характеризуя себя как русских, биэтноры чаще всего называют положительные, но более «строгие», аффективно нейтральные качества (трудолюбие, ответственность, смелость, стойкость и т.д.). Украинские же черты, напротив, более эмоциональные, чаще всего связанные с коммуникацией (гостеприимство, открытость, шутливость, общительность и т.д.).

Соотнесенность черт своей личности с этнической принадлежностью в большей степени прослеживается среди подгрупп респондентов смешанного происхождения (особенно тех, у кого предки были русские и украинцы, без иных национальностей). Разная доля лиц смешанного происхождения определяет разную долю маркирующих те или иные свои черты этнически в поколениях биэтноров (чаще молодежь, чем старшие поколения) и территориях проживания (чаще горожане, нежели жители сельской местности). Существенных межрегиональных различий в оценке этнической специфики своей личности на собранном эмпирическом материале не прослеживается.

Литература

- Бубликов, В.В., Свидовская, А.С. (2022). Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России. *Вестник антропологии*, 3, 99-120. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120.
- Листова, Т.А. (2014). Воронежские украинцы – русские хохлы. *Вестник антропологии*, 2, 116-139.
- Люля, Н.В. (2021). Система идентичности русско-украинского населения России. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 4, 104-109.
- Мухаметзянова, А.Р. (2016). Смешанные этнокультурные идентичности молодежи. *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии*. Смоленск: Смоленский государственный университет, 160-164.
- Общественное мнение – 2021 (2022). М.: Левада-Центр.
- Октябрьская, И.В., Крикау, Л.В., Антропов, Е.В. (2015). «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI в. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, 221-227.
- Сикевич, З.В., Поссель, Ю.А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 25(1), 121-136.
- Социальные факторы межэтнической напряженности в России. (2017) отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН.
- Хмелько, В. (2004) Лінгво-етнічна структура України: Регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності. *Наукові записки НаУКМА*, 32, 3-15.
- Чижикова, Л.Н. (1988). Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука.
- Moreman, S. (2009). Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity. *Text and Performance Quarterly*, 29(4), 350-370.

References

- Bublikov, V.V., Svidovskaya, A.S. (2022). Native Language and Ethnic Identity among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia. *Herald of Anthropology*, 3, 99-120. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120.
- Chizhikova, L.N. (1988). Russian-Ukrainian borderlands: the history and the fate of traditional household culture. Moscow, Nauka.
- Khmelko, V. (2004). Linguistic and Ethnic Structure of Ukraine: Regional Peculiarities and Trends in the Years of Independence. *Scientific Notes of NaUKMA*, 32, 3-15.
- Listova, T.A. (2014). Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols. *Herald of Anthropology*, 2, 116-139.
- Lyulya, N.V. (2021). Identity system of the Russian-Ukrainian population of Russia. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 4, 104-109.
- Moreman, S. (2009). Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity. *Text and Performance Quarterly*, 4, 350-370.
- Mukhametzianova, A.R. (2016). Mixed ethnic and cultural identities of youth. *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology*. Smolensk: Smolensk State University, 160-164.
- Oktjabrskaya, I.V., Krikau, L.V., Antropov, E.V. (2015). “We are Ukrainians, but indicates as Russians...”: ethnic processes among the Ukrainians of the steppe zone of Western Siberia in the XX – beginning of XXI century. *Journal of historical, philological and cultural studies*, 4, 221-227.

Public opinion – 2021 (2022). Moscow: Levada-Center.

Sikevich, Z.V., Possel, Y.A. (2019). The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Interethnic and Mono-Ethnic Families (A Comparative Analysis). *Sociological Journal*, 1, 121-136.

Social Factors of Interethnic Tension in Russia (2017). Epikhina, Yu.B., and M.F. Chernysh, eds. Moscow: FCTAS RAS.

Дата получения рукописи: 08.10.2022

Дата окончания рецензирования: 19.10.2022

Дата принятия к публикации: 04.11.2022

Информация об авторах

Бубликов Василий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, e-mail: v.bublikov@mail.ru

Ермак Галина Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: gaermak@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bublikov Vasily Valerievich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, e-mail: v.bublikov@mail.ru

Ermak Galina Gennadievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: gaermak@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare